

Читайте в серии:

КНИГА 1. ТЕОДОСИЯ И СЕРДЦЕ ЕГИПТА

КНИГА 2. ТЕОДОСИЯ И ЖЕЗЛ ОСИРИСА

КНИГА 3. ТЕОДОСИЯ И ИЗУМРУДНАЯ СКРИЖАЛЬ

КНИГА 4. ТЕОДОСИЯ И ПОСЛЕДНИЙ ФАРАОН

Робин Лафевер

Теодосия и Сердце Египта

Москва 2018

УДК 821.111-053.6(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л29

R.L. LaFevers
THEODOSIA AND THE SERPENTS OF CHAOS

Text copyright © 2007 by R.L. LaFevers
Published by special arrangement with Houghton Mifflin Harcourt
Publishing Company

В оформлении обложки использована работа
художника *Полины Яковлевой*

Лафевер, Робин.

Л29 Теодосия и Сердце Египта / Робин Лафевер ; [пер. с англ. К. Молькова]. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с. — (Теодосия и таинственные расследования века).

ISBN 978-5-04-096823-7

Теодосии Элизабет Трокмонтон 11 лет. Всю свою жизнь она провела в лондонском Музее легенд и древностей, где работают её родители. Мама и папа Тео — увлечённые работой египтологи, а она сама умеет распознавать и снимать древние проклятия (в том числе со своей кошки Иисды!).

На этот раз из музея исчез древнейший амулет-оберег, носящий имя Сердце Египта. Мама Теодосии разыскала его в гробнице фараона и с тщательными предосторожностями привезла в Лондон. Но теперь он пропал. Как же им быть? Признаться в том, что камень утерян, и прослыть на всю Британскую империю семейкой дилетантов? Тео уверена, что камень был похищен, и берёт на себя поиски ценнейшего артефакта. Ей предстоит провести расследование в самом сердце Лондона, отправиться зайцем на пароходе в Каир и спрятать Сердце Египта так, чтобы злоумышленники не смогли использовать силы амулета во вред.

УДК 821.111-053.6(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Мольков К., перевод на русский язык,
2014

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-096823-7

*Всем умненьким девочкам, которым
кажется, что их никто не слушает.*

*И очень, очень смышленной Кейт
О'Салливан, которой так нравится
всех поучать.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Сюрприз от мамы

17 декабря 1906

Я не верю Клайву Фагенбушу. Разве можно доверять человеку с такими густыми, черными, как щетка, бровями и от которого пахнет вареной капустой и маринованным луком? Кроме того, я подозреваю, что он что-то замышляет. Более того, мне кажется, что это, как обычно, имеет какое-то отношение ко мне самой.

Но что может возразить одиннадцатилетняя девочка второму помощнику хранителя, даже если она дочь Главного хранителя музея и к тому же умнее большинства своих сверстниц. Во всяком случае, именно так обо мне обычно говорят, и, честно признаться, я не принимаю это за комплимент. Насколько мне известно, взрослым нет никакого дела до того, насколько умны дети.

Взрослые всегда сами по себе и держатся вместе, а на детей обращают внимание только тогда, когда они болеют или сильно поранятся.

Во всяком случае, со мной дело обстоит именно таким образом. Мой отец служит Главным хранителем Музея легенд и древностей, второго

по величине во всем Лондоне. Вот почему почти все время я провожу, слоняясь одна по этому старому зданию. Мне не обидно. Правда. Ну, разве что немножко. Конечно, мне было бы приятно, если бы папа хоть иногда вспоминал о моем существовании... Однако у меня и без этого есть чем заняться. Музей хранит в себе столько тайн, а у меня, как оказалось, имеется способность выискивать их. Кроме того, я чувствую древние проклятия. Вы даже не представляете, сколько в музее вещей, заряженных злой, черной египетской магией.

Да взять, к примеру, хотя бы ящик, который привезли от мамы сегодня утром.

Услышав звонок, я поспешила вниз, к задней двери, которую уже начали открывать двое наемных служащих музея, Дольдж и Суинни. Сквозь открывшуюся дверь внутрь начал просачиваться желтый, похожий на жидкий пудинг, туман — знаменитый лондонский смог. Снаружи у дверей переминался возле своей телеги и дул на озябшие пальцы извозчик. Над облучком, с которого он спрыгнул, горели фонари, похожие в густом тумане на два размытых светлых шара. Суинни выскочил наружу, и они вместе с извозчиком сняли с телеги и потащили в музей большой ящик.

Когда они проходили мимо меня, я наклонилась, чтобы прочитать этикетку — ящик прибыл из Египта, из города Фивы! Значит, это первый ящик, который мама послала по морю из Долины Царей! Первый, но, надо полагать, далеко не последний.

Как только ящик поставили на пустой рабочий стол, извозчик поправил съехавшую с головы кепку и поспешил назад, к своей телеге. Дольдж с громким лязганьем закрыл за ним входную дверь.

К этому времени вниз спустились хранители музея. Они встали вокруг стола и приготовились наблюдать за тем, как папа открывает ящик. Просунувшись ближе к столу, я увидела, что папа вновь не надел перчатки. Мои-то перчатки были на мне.

— Папа!

Он обернулся, не отрывая рук от ящика, и спросил:

— Что, Теодосия?

— Не боишься занозить руки?

Все стоявшие возле стола взрослые обернулись и как-то странно посмотрели на меня.

— Глупости, — сказал папа.

Разумеется, занозы были тут совсем ни при чем, они меня совершенно не волновали, но не могла же я сказать отцу, что меня на самом деле беспокоит!

Взрослые вновь перенесли все свое внимание на ящик, а я начала протискиваться к отцу, надеясь добраться до него раньше, чем он притронется к тому, что прислала мама. Мимо Дольджа и Суинни мне удалось пробраться без проблем, а вот с Фагенбушем оказалось сложнее. Он недовольно покосил на меня, я ответила ему таким же взглядом.

Оказавшись, наконец, рядом с отцом, я залезла в кармашек своего передника — в этот момент папа как раз погрузил свои ладони внутрь ящика. Я осторожно вытащила свой маленький амулет-

оберег и опустила его в карман папиных брюк. К сожалению, сделать это незаметно мне не удалось. Папа оторвался от ящика и сердито взглянул на меня.

— Что ты тут делаешь?

— Ничего. Просто хотела рассмотреть получше. Я же здесь самая маленькая, ты же знаешь, папа, — ответила я и, чтобы переключить его внимание снова на ящик, спросила, вытягивая шею: — Как ты думаешь, что нам мама прислала на этот раз?

— Именно это я и пытаюсь, наконец, увидеть, — нетерпеливо сказал папа и тут же, к счастью, забыл обо мне, потому что снова погрузил руки внутрь ящика и осторожно, торжественно вытащил оттуда прелестную черную статую кошки. Я знала, что эту кошку зовут Бастет, и она считалась у древних египтян богиней плодородия и домашнего очага.

Стоило мне взглянуть на статуэтку, как по всему позвоночнику у меня побежали мурашки — казалось, тысячи жучков вышли на парад и идут у меня вдоль спины, перебирая своими ледяными лапками. Моя дремавшая под рабочим столом кошка Исида — настоящая, живая — тоже взглянула на статую, громко мяукнула и тут же скрылась в неизвестном направлении. Я поежилась. Да, мама вновь прислала в музей предмет, буквально переполненный древней злой темной магической силой.

— С тобой все в порядке, Тео? — спросил меня первый помощник хранителя по имени Найджел Боллингсворт. — Тебя лихорадит, ты не заболела?

Он посмотрел на меня внимательно и сочувственно, не то что стоявший рядом с ним Фаген-

буш — этот покосился так, словно я была какой-то дрянью, которую притащила сюда с помойки моя Исида.

— Спасибо, мистер Боллингсворт, со мной все хорошо, — ответила я.

Да, все действительно было бы хорошо, если бы только не этот поток черной магии, разливавшийся от нового музейного экспоната, на котором лежало проклятие.

Разумеется, мама не могла понять, что эта статуя проклята. И папа тоже не мог. Это, похоже, не в их силах.

Ничего не заметил и никто из стоявших возле стола помощников, кроме, пожалуй, этой крысы Фагенбуша. Его лицо покраснело, а длинные костистые пальцы непроизвольно зашевелились. Но с другой стороны, таким Фагенбуш выглядел довольно часто, поэтому трудно было сказать, связано это с тем, что он увидел статую, или нет. Урод.

Все же, насколько мне известно, я была здесь единственной, кто способен разглядеть скрытое в древних предметах зло и черную магию. А это означает, что мне и только мне предстоит разобраться в том, что за проклятие лежит на статуе Бастет и как снять его.

Причем сделать это нужно быстро.

Мама вернется с раскопок завтра и непременно привезет с собой для нашего музея массу новых вещей. Ящики с ними будут приходить друг за другом на протяжении нескольких следующих недель. Кто знает, сколько в них окажется предметов, на которые наложено проклятие или связанных с черной

магией? Похоже, в ближайшие месяцы скучать мне не придется! Что ж, по крайней мере, все это время я смогу реже попадаться на глаза папе и маме, и то хорошо. Они ужасно не любят, когда я путаюсь у них под ногами, и сразу же заводят разговор о том, чтобы отослать меня в школу-интернат.

Хотя проверка новой статуи на первом уровне — догадок и предчувствий — состоялась, нужно как можно быстрее провести тест второго уровня, с помощью логики и научных знаний.

Такой случай мне представился, когда все сотрудники разошлись, чтобы приступить к своим повседневным обязанностям. Поскольку у меня таких обязанностей не было, мне удалось сначала отстать от всех, а затем незаметно вернуться назад.

Первым делом я направилась к висевшим вдоль всех стен полкам и сняла с одной из них маленькую помятую канопу — египетскую погребальную урну. Она была действительно сильно повреждена и потому пылилась здесь, поскольку в таком виде не представляла для музея никакой ценности, а отреставрировать канопу ни у кого не доходили руки. В этой канопе я хранила воск — самый разный, от свечных огарков, сломанных печатей на письмах и так далее. Этот воск был нужен мне для проведения тестов второго уровня. Дело в том, что воск отлично впитывает в себя хеку — злую магическую силу.

Я вынула из канопы несколько кусочков воска, аккуратно разложила их вокруг основания статуи и ушла.

Вернувшись после обеда, я увидела, что весь воск вокруг статуи стал почти черным с неприятным зеленоватым отливом. Проклятье! Так быстро и так сильно воск у меня не темнел еще никогда. Что ж, придется прийти сюда еще раз и провести тест третьего уровня. К сожалению, этот тест можно проводить только при луне. Дело в том, что начертанные на предмете проклятия становятся видимыми человеческому глазу только в лунном свете.

Само собой, рассматривать что-либо в лунном свете можно только ночью.

А я ненавижу музей по ночам!

Тест при лунном свете

Эта ночь, по счастью, выдалась одной из тех, в которые папа настолько погружается в свои исследования, что совершенно забывает о том, что творится в доме. Такое повторялось четвертую ночь кряду и было мне только на руку.

Перед самой полночью я пробралась в служебное помещение и оттуда вошла в музей. Газовые рожки на стенах были зажжены, но горели так слабо, что казались просто маленькими светящимися голубыми пятнышками, разбросанными на одинаковом расстоянии друг от друга вдоль темного коридора. Слабенький свет керосинового фонаря, который я несла в руке, тоже не мог разо-

гнать мрак, но даже это меня не пугало. Я подняла свободную руку и вцепилась в висевшие у меня на шее защитные амулеты — их было три.

Папа говорит, что у меня слишком буйное возбуждение, но, поверьте, если подойти в глухой ночной час очень близко к урнам и саркофагам (чего я, разумеется, стараюсь не делать), то можно увидеть, как из них, словно струйки густого удушливого тумана, поднимаются опасные для живых мертвецы — египтяне называли их «акху» и «мут». Магические тексты и невидимые надписи на предметах, на которые наложено проклятие, тоже оживают, буквы срываются со своих мест, поднимаются в воздух, а затем разлетаются по темным углам. Согласитесь, разве могла я прийти сюда хотя бы без какой-нибудь защиты?

Чтобы не привлечь к себе внимания злых духов, я осторожно шагала по полу в одних чулках — пол был холодный, и мои ноги вскоре заledenели.

Разумеется, отец перенес ту ужасную статую в свою мастерскую на третьем этаже. Держась за стену, я начала подниматься по лестнице, стараясь делать это так, чтобы подо мной не скрипнула ни одна полированная деревянная ступенька.

Но как бы бесшумно я ни двигалась, окружавшие тени с каждой секундой становились все темнее, больше — казалось, они стремятся оттолкнуть меня. Я по возможности сторонилась останков древних людей (которые в большом количестве были выставлены на обозрение публики): костей, черепов, скелетов, а также предметов культа давно забытых религий. В свете моего тусклого кероси-

нового фонаря тени качались и извивались, словно злобные подкрадывающиеся ко мне демоны.

Наконец мне удалось подняться на третий этаж и войти в Зал статуй. Вдоль стен здесь, словно никогда не дремлющие стражи, стояли огромные египетские скульптуры.

Царственные, надменные лица фараонов сменялись загадочными головами сфинксов, а высотой самая маленькая из этих статуй была не менее двух с половиной метров, и все они отбрасывали на пол свои густые, похожие на чернильные лужицы тени.

Я постаралась как можно быстрее проскользнуть мимо этих грозных, едва различимых в темноте статуй к дверному проему, ведущему в Зал Древнего Египта. Здесь я ненадолго остановилась, чтобы собраться с силами и подбодрить саму себя. В этот зал я приходила очень часто, буквально при любой возможности, но все равно не знала, что может поджидать меня в нем. Магия — и без того мудреная для понимания штука, а древние египтяне к тому же были в ней большими доками. Некоторые их проклятия, похоже, составлены так, что становятся активными в полнолуние или отдельные, неблагоприятные с точки зрения астрологии дни. Другие проклятия действуют только в какие-то дни или при определенном расположении звезд и планет на небе. Одним словом, древнеегипетская магия — вещь настолько мрачная